

Е. Ф.: В Вашей книге «Эпоха. Судьба. Коллекция», вышедшей в 2010 году, есть интересные сведения о Дмитрии Ивановиче Лобанове-Ростовском, славном военном, министре юстиции и члене Госсовета. Особенно значимым в его ратной жизни был эпизод, когда ему предстояло провести дипломатические переговоры. Они закончились успехом. А когда Вы впервые узнали о деятельности Дмитрия Ивановича, в связи с чем Вы стали интересоваться его личностью?

Н. Л.-Р.: По совершенной случайности. Лет 20 тому назад, когда книжник и антиквар Алик Рабинович послал мне копии рисунков чернилами, его изображавшие верхом на лошади, которые оказались в каком-то его альбоме. Конечно, я видел его портрет в Русском музее, лет 50 тому назад. И уже тогда мне хотелось получить качественную фотографию портрета. И как ни странно, не удалось, хотя у меня есть хорошая знакомая, Татьяна Куракова, в музее.

Е. Ф.: Я знаю, Ваш дядюшка, Николай Иванович Лобанов-Ростовский, тоже интересовался жизнью этого предка и оставил некоторые высказывания по поводу него в своих мемуарах. В неопубликованной рукописи из Вашего архива Николай Иванович, до октябрьских событий – чрезвычайный и полномочный посол Российской империи в Албании, – пишет о предках Дмитрии Ивановиче и Алексее Борисовиче Лобановых-Ростовских с «исторической горечью»: «Это были ветви, близкие к трону. Они были отторгнуты прочь, их слава была затёрта среди постоянных посетителей “Жокей-клуба в Париже” или среди старейших завсегдатаев Ментона, Ниццы или Канн». Заинтересовавшись этой фигурой, какими путями вы стремились увековечить его память, помимо купленного на аукционе портрета и подаренного Посольству РФ в Париже?

Н. Л.-Р.: Статьи в журналах о нём и в моей серии «Рюрикович» мне кажутся минимальными, ибо он настолько огромная личность, у него столь блестящие военные и государственные достижения, что все до сих пор сделанные мною усилия – «уколы комаров». Мне было приятно подарить портрет Дмитрия Ивановича Посольству в Париже, чтобы посол – при визитах к нему разных лиц – мог подводить их к портрету и рассказывать

Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский

*Дмитрий Иванович
Лобанов-Ростовский*

о нём, ведь вся тильзитская история представляет собой символ дружеских отношений России и Франции. Такие картины на английском называются conversation piece (предмет для разговора). В Англии принято начинать разговор о погоде. А потом можно перейти к тематической беседе.

Е. Ф.: *Вы считаете, что уместно, чтобы в Посольстве висели именно портреты, а не жанровые картины, например, или пейзажи?*

Н. Л.-Р.: Увы, у меня нет жанровых картин и нет цели дарить Российскому посольству классическую русскую живопись, а есть цель – дарить портреты личностей, строивших Российскую империю, в частности портреты членов Дома Романовых. Что я и делаю. И мои друзья.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Е. Ф.: *А как это коррелирует с Вашей идеей создать в России Национальную портретную галерею?*

Н. Л.-Р.: Национальная портретная галерея – моя мечта, но я понимаю, сколь это предприятие убыточно. И если бы я считал возможным в ближайшее время реальное осуществление НПГ, я бы не дарил портретов из своей коллекции посольствам и МИДа, а хранил бы их для галереи. Негативное отношение руководителей российских музеев к НПГ происходит потому, что они боятся лишиться доходов. Но это – не главное. Они боятся лишиться командировок в капстраны, когда они одалживают свои портреты Парижу, Нью-Йорку и Токио. И они забывают, что моё предложение – не расстаться с портретами, а только одолжить на время. Картины остаются на балансе местных музеев, а их периодически отдают на шесть месяцев Национальной портретной галерее. Но это обстоятельство главы музеев утаивают в своих официальных возражениях и, конечно, борются за свои командировки.

Е. Ф.: *Даримые Вами портреты в общественные места РФ за рубежом ведь несут аналогичную функцию – визуально знакомят посетителей с историческими фигурами, строившими Российскую империю?*

Н. Л.-Р.: Главное здесь – масштаб. НПГ в Лондоне в год посещает 1 миллион 400 тысяч человек, то есть где-то 4000 человек в день. Это сравнимо с Эрмитажем. А в другие художественные госучреждения России ходят – ну, может быть, 300 или даже 500 человек в день. Все равно, несравнимо по масштабу, который бы был при наличии НПГ в России.

Е. Ф.: *Я не про масштаб, а про основную идею?*

Н. Л.-Р.: Основная идея – визуализация и, таким образом, индивидуализация героев российской истории для широкого круга российского населения, от древних времен до наших дней. Она должна быть не спорадической, а повсеместной. И масштаб тут играет первостепенную роль?

НОСТАЛЬГИЯ ПО РОДИНЕ

Е. Ф.: *Вот Вы переехали в свободный мир, жили в Париже, потом в Лондоне. Чувствовали ли Вы тайную ностальгию по тому месту, где родились?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно никакой ностальгии. Было ощущение пережитого ужаса и чувство огромного удовольствия мыслить и говорить, что хочешь, при всех обстоятельствах. Это непонятно русскому человеку, который привык всегда жить в диктатуре – при разных её воплощениях, как в царской России, так и в коммунистической, так и сегодня. Человек, который жил в зависимом мире, тем более понимает, что такое быть свободным.

Е. Ф.: *Но есть же такое ощущение – на уровне физиологии, грусть, щемящее чувство, которое охватывает при воспоминаниях о месте рождения?*

Н. Л.-Р.: Я всегда очень рад бывать в Болгарии. Каждый год бываю там, где родился. И я сохранил всех школьных друзей! К сожалению, из них остался только один. Но я никогда не хотел бы вернуться и жить в Софии, боже упаси. Деревня...

Дом Берлина в Хеддингтоне, Оксфорд

Исайя и Алин. Оксфорд. 1974 г.

ИСАЙЯ БЕРЛИН

Е. Ф.: Русского читателя всегда интересует фигура Исайи Берлина. О нём написано несколько книг, одна из них – книга Анатолия Наймана, очень востребованная.

Н. Л.-Р.: Анатолий Генрихович Найман – конъюнктурный писатель. Не стоит читать то, что мне кажется дезинформацией.

Е. Ф.: Согласна с Вами.

Н. Л.-Р.: Найман пишет про себя. Чтобы себя выдвинуть. Книга Михаила Игнатьева «Жизнь Исайи Берлина» – объективна.

Е. Ф.: Вы уже неоднократно рассказывали, что «на заре туманной юности» Исайя Берлин дал Вам бесценный совет – не тусоваться, а учиться. А как Вы с ним познакомились, как часто встречались?

Н. Л.-Р.: С Исайей Максимовичем я познакомился сначала на обеде в Оксфорде в 1953 году у моей крёстной, Кати Ридлей-Бенкендорф. Знакомство перешло в дружбу, чему помогло следующее обстоятельство. В Париже Avenue d'Iena идёт от Триумфальной арки, как и другие пять проспектов, подобно тому, как располагает свои пальцы лапа утки. Они все связаны с историей Франции. Дом номер 52 на Avenue d'Iena – особняк герцогини де Муши. Один из самых престижных адресов Парижа. Мой дядя женился на её дочери, графине Сабин де Ноай, и поэтому проживал на одном из этажей четырёхэтажного дома. А в особняке рядом, номер 54, жил барон Гинзбург. Его дочь Алин была подругой герцогини де Муши и моего дяди Вырубова. Через них я попал в её круг знакомых. Когда я приехал в Оксфорд в 1953 году, она была замужем вторым браком за известным физиком Штраусом, они жили в Хеддингтоне, на окраине Оксфорда... Когда на обед заказывалось вино, Штраус давал ключ лакею, чтобы он пошёл в погреб за вином, а затем отбирал ключ и возвращал себе в карман. Даже лакею не доверял ключи от винного погреба. Алин не выдержала его скупости и развелась. И у неё завязался роман с Берлиным. У Берлина (как и у Сталина) были затруднения с повреждёнными связками левой руки, и он был очень полным человеком. Так что в смысле физической привлекательности я просто не мог для себя их сопоставить – она была спортивная, подтянутая, элегантная, привлекательная, очень богатая – и чрезвычайно умная. Алин наполовину или даже мажоритарно владела гостиницей «Риц» в Париже. Зато Берлин был настолько обаятелен как человек, взволнованный, с повышенной сенсуальностью, что это качество делало в нём незаметными все его недостатки. Да, ещё дело и в тембре голоса – живого, одновременно глубокого, мягкого и трепетного. Приехал из Риги эмигрант-еврей, «наш человек» – и все увидели в нём блестящий ум, сочетающийся с особенной человеческой доброжелательностью. Это естественно соответствовало его натуре. Единственный случай в Оксфорде, когда на его лекциях – в самом большом зале, люди стояли на лестнице – настолько они были увлекательны. Не вмещала людей аудитория. Он же получил титул сэра от королевы Елизаветы, ибо на приёмах королевы его всегда сажали рядом с ней. Потому что он заводил такие интересные разговоры, что мгновенно благоприятно располагал к себе людей. Знаете, он был подобен Высоцкому или Евтушенко, которые проявляли в выступлениях артистический дар.

Я помню, у Евтушенко был вечер в Софии, который устроил поэт и писатель Любомир Левчев. После двухчасового выступления мы пошли ужинать. Евтушенко за столом от нервного истощения после того, как выложился на вечере, положил лицо на тарелку и так и заснул. Я испытал неудобство, но что делать?.. Так и Исайя Максимович, выступал как актер, блестяще.

Е. Ф.: *Какие ещё темы Вы затрагивали с Берлином?*

Н. Л.-Р.: Большинство моих ужинов с Берлиным проходило в присутствии Жени Ламперта¹ и его супруги, моей крёстной, Екатерины, внучки царского посла в Лондоне графа Бенкендорфа. Речь заходила о философах, прежде всего это был Бердяев, которым занимался Женя Ламперт, велись разговоры о русской литературе. В то время я был абсолютной невеждой в этих темах. Сидел и слушал.

УЧЁБА

Е. Ф.: *Вам нравилось учиться в Оксфорде по специальности геология? Вам было это приятно?*

Н. Л.-Р.: Не только приятно. Я желал этого с 14-летнего возраста или даже раньше. Я увлекался минералогией. Большинство моих друзей по школе были увлечены геологией, разными её разделами. Одни стали геохимиками, другие палеонтологами, но все мы в школьные годы ходили собирать минералы. К счастью, столица Софии является бывшим дном озера, окружённого горами. И в этих горах в те времена все леса были вырублены. А были каменные карьеры, которые взрывали, и тогда открывались породы – в них можно было напасть на пегматитовые жилы, где находились чудные кристаллы. Этим мы занимались каждые выходные. И я знал достаточно, по крайней мере в минералогии, чтобы мне удалось попасть в Оксфорд. До того как я поступил на геологический факультет, я посетил Минералогический музей, и один из преподавателей, который потом меня учил, сопровождал экскурсию по музею. И я делал свои комментарии по поводу минералов и других ископаемых, окаменелостей животных и растений, он увидел, что я знаю и интересуюсь, а не просто поступаю ради диплома. Это тоже помогло мне поступить.

Е. Ф.: *Сам процесс обучения Вас удовлетворял? Это было то, что Вы ожидали?*

Н. Л.-Р.: Да, абсолютно.

Е. Ф.: *Вы захотели освоить новую, финансовую стезю, но с болью ли Вы устремились в другую специальность? Отрывали ли от сердца геологию?*

Н. Л.-Р.: Нет. Потому что я видел, что в капстранах, например в США, если вы хотите иметь значительные деньги, в те годы их нельзя было заработать, будучи инженером. Ни одна из нефтяных компаний в США не возглавлялась геологом. Изредка во Франции и Германии главой такой компании мог стать геолог, но только тот, который получил дополнительное образование. А в Америке – главами были или бухгалтеры, или адвокаты. Поскольку я строил свою жизнь для того, чтобы жить в Соединённых Штатах, я понял, что нужно изучить азбуку бухгалтерии и финансовых дел.

Е. Ф.: *А само по себе финансовое дело и бухгалтерия Вам были интересны?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно нет! Бухгалтерия настолько скучна. Это прагматическая наука. Что значит, прагматическая? Вы должны принимать как аксиому, что такое-то правило является на данный момент образом действия. Как это происходит и в юриспруденции, куда я никогда бы не пошёл, чтобы снова окунуться в эту «стерильность», или в систему богословия, где вы принимаете аксиомы, с моей точки зрения, совершенно не соответствующие действительности...

Е. Ф.: *Значит, Вы умеете рациональным подавлять чувства?!*

Н. Л.-Р.: Когда надо – это необходимо.

Е. Ф.: *Многим необходимо, но они не умеют. Я не умею.*

Н. Л.-Р.: Не хотят!

Е. Ф.: *Нет. Это должен быть такой встроенный механизм в натуре человека, как у Вас. С другой стороны, графологический анализ, сделанный по Вашему почерку, когда Вы должны были занять крупную должность в банке, утверждает, что Вы очень чувствительны. Да я сама так думаю. Получается оригинальная картина. Вы глубоко чувствительны – такие люди не умеют до конца подавлять чувства. Значит, в глубине себя Вы носите их груз. То есть Вы рассказываете так, как*

¹ Евгений Ильич Ламперт (1914–2004) – философ, филолог, исследователь православной культуры. Ученик прот. Сергия Булгакова; в Париже был секретарём и учеником Николая Бердяева.

Доктор Дж. В. Харрисон рассказывает о геологии студентам

Никита. Крайст-Черч. 1954 г.

рассказываете, а на самом деле у Вас всё немного сложнее. Душа-то по геологии всё-таки болела, вспоминалась она?

Н. Л.-Р.: Постоянно... Я продолжаю мыслить в контексте геологии. И самое главное, что я оставил большую часть своего состояния для создания факультета планетарной геологии в Оксфорде, а не для создания факультета бухгалтерского дела! Вот значительное доказательство.

Е. Ф.: *Значит, Вы всё-таки страдали немножко, будучи вынуждены заняться другой сферой, я так всегда и думала. Кого Вы назовёте, помимо Вашего главного учителя Кента, чьи высказывания, соображения, образ жизни, одежда влияли на Вас или поразили в эпоху Оксфорда? И кому Вы старались подражать и в чём?*

Н. Л.-Р.: Мой преподаватель Харрисон (Dr. J. V. Harrison) – шотландец – был очень доброжелателен. Через несколько лет после окончания учёбы в Оксфорде я его навестил и принёс ему большой горшок с цветами. Он был очень тронут и сказал, что я единственный студент, который через много лет принёс ему цветы. У меня есть фотография с ним – в тот момент, когда на экскурсии он рассказывает о геологии студентам.

БЫТ

Н. Л.-Р.: Что касается одежды, для меня образцом был дядя, Николай Васильевич Вырубов. Я ему подражал. Он всегда ходил в свежей рубашке, в костюме, всегда был прибран, даже когда ему было за 90 лет и болезни его одолевали. Он всегда был подтянутым, в любых условиях.

Из приятелей-студентов на меня, несомненно, влиял Питер Зиновьев, тоже эмигрант, который был геологом и старше меня. Он мне очень помогал в изучении минералогии. Он любил музыку, играл на рояле и впоследствии стал профессиональным исполнителем современной музыки. «Таймс» посвятил целую страницу его некрологу, когда он скончался. Мы много вместе слушали музыку. Когда вы занимаетесь петрографией, то есть смотрите породы под микроскопом, – вы часами их изучаете. И это может стать занятием, в конце концов, монотонным и скучным. У Зиновьева тогда был проигрыватель, с магнитофонной лентой, на котором мы слушали Моцарта и Баха. Очень хорошо подходил нашим занятиям почему-то Концерт Моцарта для кларнета (*насвистывает тему*). Оперу слушали мало, главным образом – камерную музыку. Иногда Дворжака, например. В музыке главное открыл для меня ещё в Болгарии Данчо Иванов, впоследствии известный певец. В отличие от других студентов каждую субботу и воскресенье мы с Питером Зиновьевым тайком ходили в здание геологического факультета. Что значит – тайком? – На выходные всё было заперто. Но можно было пластмассовой карточкой как-то открыть дверь. И мы входили – никого нет, простор! Сидишь себе спокойно над микроскопом, пьёшь горячий чай и слушаешь хорошую музыку. К счастью, мой приятель интересовался учёбой столь же серьёзно, как и я.

Е. Ф.: *Никита Дмитриевич, а в Оксфорде Вы голодали?*

Н. Л.-Р.: Главным образом голодал я в Болгарии. Да, приходилось и в Оксфорде. Потому что денег было мало. Потому я и разболелся в годы учёбы, подхватил пневмонию с плевритом, и последствия этой болезни остались на всю жизнь.

Е. Ф.: *А скажите, эти типично английские вещи, которые коробят тех, кто к ним не привык, как-то осложняли Вам жизнь, например холодные комнаты?*

Н. Л.-Р.: Тяжело. В те времена, после войны, а в Англии сильнее, чем в других местах, просто ничего не было. Ведь Англия задолжала огромные деньги США (которые окончательно выплатила только в 2015 году, через полвека). Например, я привозил мясо из Франции, когда бывал на каникулах. А чтобы в комнате было отопление, нужно было положить в ячейку монетку. Которой часто не хватало. Кроме того, сильная влажность и частые дожди – всю зиму.

Е. Ф.: *Англия испортила Вам здоровье?*

Н. Л.-Р.: Да.

ИНТИМ

Е. Ф.: *У Вас был во времена Оксфорда роман с сербской княжной Елизаветой Павловной Карагеоргиевич. Вы были сильно влюблены?*

Н. Л.-Р.: Ещё бы!

Е. Ф.: *А она?*

Н. Л.-Р.: Предполагаю, что да, иначе бы она не приезжала в Оксфорд.

Е. Ф.: *Почему ж вы расстались?*

Н. Л.-Р.: Потому что я был молод, денег не имел, был совершенно неперспективным женихом. Её отец, князь Павел, был бы для меня идеальным тестем, потому что он был очень значимым коллекционером искусства – мирового класса. Его большое собрание стало основой музея изобразительного искусства в Белграде. Я дружил с её матерью, которая была сестрой герцогини Кентской. Так что у нас было много общего. Но денег у меня не было! – И у неё не было.

Е. Ф.: *И это препятствие?*

Н. Л.-Р.: Да. И дед мой, Василий Васильевич Вырубов, почему-то не очень был воодушевлён этим романом.

Е. Ф.: *А вот у Вас в дневнике есть запись: «К сожалению, теперь Элизабет меня больше не любит». Вы это почувствовали...*

Н. Л.-Р.: Через известное время она меня бросила. Я болел в то время и ужасно выглядел, лежал в госпитале, где она меня навещала. Может быть, она испугалась моего вида. Это был предлог...

Е. Ф.: *Да, при влюблённости это бывает, она может внезапно исчезнуть, если «вид не тот», любовь такие вещи убивают...*

Н. Л.-Р.: Увы...

Е. Ф.: *Ваш первый страстный настоящий роман с учительницей Лили описан Вами и Вашими биографами ярко и откровенно, а ранние школьные влюблённости бывали?*

Н. Л.-Р.: Были, но мимолётные. Первым романом был тот самый, с Лили, сердце стало жить самостоятельной жизнью лет с 16.

Е. Ф.: *Вы сожалеете, что первый брак Ваш был столь ранним. Вы влюбились в Нину или она была «якорем спасения» от одиночества?*

Н. Л.-Р.: Нет. Какое одиночество?! У меня всегда была туча знакомых, я прекрасно жил в Нью-Йорке, в замечательных условиях, в шикарном, самом элитарном доме Манхэттена. И я влюбился. И она влюбилась! Наверняка! Несмотря на то что до нашей свадьбы у неё уже было предложение руки и сердца, – она была помолвлена с бароном Жансенем, сыном главы огромной фармацевтической компании в Бельгии. Первые годы были счастливыми, и для меня и, полагаю, для неё.

Е. Ф.: *Что же было «сломом», что испортило Ваш брак?*

Н. Л.-Р.: Самое сильное ощущение того, что всё испортилось, у меня произошло, когда мы переехали в Лондон. Потому что в Нью-Йорке я работал – чтобы не преувеличить – не менее 12 часов в день, у меня почти никогда не было свободного времени. В банке я заведовал странами с разными часовыми зонами, поэтому был занят круглосуточно. И у меня не хватало времени обращать внимание на взаимоотношения с Ниной. Работа же в Англии для меня казалась такой комфортной, как будто я попал в санаторий. Я заканчивал рабочий день в шесть часов. Ну, иногда оставался, если нужно, до семи-восьми вечера. Но у меня появился избыток времени. И тогда я стал часто бывать с Ниной. И стал замечать, что она постоянно стремится меня «исправлять-улучшать». Я надену галстук – она

*Княгиня Елизавета Павловна
Карагеоргиевич и Никита.
Париж. 1955 г.*

*Лили Дюлгерова и Никита.
София. 1952 г.*

*Нина и Никита на балу.
Нью-Йорк. 1967 г.*

часто скажет: «Этот галстук не подходит тебе, нужен вот такой». Или: «У тебя сегодня мягкий костюм, пожалуйста, переодень его». Или: «Эти ботинки не подходят». Это очевидные детали. Но их было множество. Переизбыток. В застольях, которые у нас часто бывали, потому что Нина очень хорошо готовила, – скажем, два раза в неделю мы принимали у себя, и два раза в неделю бывали у других, – Нине всегда было необходимо оставить последнее слово за собой: Она права! – И я вообще перестал разговаривать. Даже как-то перестал социально жить.

Е. Ф.: *Она этого не почувствовала?*

Н. Л.-Р.: Нет, продолжала ту же линию. И продолжает до сих пор. Так что когда я захожу её проведать, скажем, раз в месяц, я лишь сижу и слушаю. Её не очень интересует, что я делаю, чем занят в настоящий момент. Она хочет доминировать и говорить-говорить-говорить. А стоит мне высказать что-то своё, в ответ я получаю упрёк, что не то и не так говорю или делаю. Значит, продолжение совместной жизни на каком-то этапе стало невозможным. И я сказал: или я уйду, или сойду с ума.

Е. Ф.: *А Вы не пытались «сесть и поговорить», объяснить словами, что Вам неприятно?*

Н. Л.-Р.: Не только обсуждали, но и часто ходили к психологу, чтобы найти какой-либо приемлемый выход. Я заметил, что даже психолог был в недоумении...

Е. Ф.: *Мне кажется, что Ваше решение уйти далось Вам нелегко и вызвало этот «выстрел» в сосуды глаза и начало диабета?*

Н. Л.-Р.: По времени совпадает, но это не так. Диабет был и раньше, его лишь открыли в это время.

Е. Ф.: *Для Вас – освобождение, для неё – трагедия? И она до сих пор не простила, как мне кажется...*

Н. Л.-Р.: Может быть. И Нина так и не нашла спутника, который мог бы выдержать её «повреждённый» характер. При том что интеллектуально она изумительно интересный человек. Таким же был её отец, блестящий французский дипломат.

Е. Ф.: *За что Вы ей благодарны, какими вещами она Вас обогатила?*

Н. Л.-Р.: С ней было очень интересно. У Нины потрясающая память, она как энциклопедический словарь. У неё высокие общие интересы. Она очень помогла систематизировать наше собрание. И при этом мы никак бы не смогли накопить определённое количество денег для покупки наших листов, если бы мы не жили на её зарплату – а на покупку коллекции я тратил свою зарплату. Так что я очень, очень обязан ей, несомненно.

Е. Ф.: *А помните ли Вы моменты счастья в молодости или зрелости?*

Н. Л.-Р.: Я думаю, что, прежде всего, для меня являлось счастьем – быть с матерью. Я безумно её любил. И она меня любила беззаветно. Потом я чувствовал себя очень счастливым в моменты интимности и объединения с учительницей Лили, моей первой любовью. Затем я был по-настоящему

*Джун и Никита. Лондон.
30.07.2022 г.*

Е. Ф.: Вот есть роман-фантазия Наталии фон Гентшенфельде «Диалектика любви» о Вашем предке, князе Алексее Борисовиче Лобанове-Ростовском, успешном и превосходном дипломате, который действительно на три года оставил своё поприще ради возлюбленной, бежав с ней в Ниццу. Автор, которая в Вас была влюблена, проводит параллель между ним и Вами, не в пользу Вас, как она это понимает. Она показывает, как Вы похожи, очень преданные делу, сосредоточенные на служении карьере люди, аккуратно относящиеся ко времени. Однако посол мог, будучи захвачен чувством и попав в те обстоятельства, где надо было выбрать или любовь, или должность, – сделать любовь делом своей жизни. Возлюбленная Алексея Борисовича была женой французского посла в Константинополе, где послом России был и князь Лобанов, и спасти свою любовь можно было только бегством. Во всех интервью, которые Вы давали по поводу этого поступка Алексея Борисовича, у Вас видно явное недоумение, Вы сами себе его объяснить никак не можете. А Вы бы так разве не могли поступить в подобных обстоятельствах – Вы же страстный и любящий человек?

Н. Л.-Р.: Нет. Почему? Чувство ответственности взяло бы верх. Алексей Лобанов был крупным сановником Российской империи, у него было блестящее будущее. Он поступил как джентльмен, но нерационально. Я нерационально поступать бы не стал. Объяснения, почему, могут быть какими угодно. Но факты здесь – самое главное.

Е. Ф.: Вы говорите, что бухгалтерский учёт – материя скучная, а околофинансовая жизнь с её хитросплетениями, о которой Вы так интересно рассказываете в разных интервью, Вас увлекала?

Н. Л.-Р.: Очень. Я настолько увлёкся работой, что, если бы ещё представилась такая возможность, я бы продолжал делать своё дело даром, просто даром. Потому что я стал состоятельным человеком и мне было безразлично заработать или нет ещё какую-то сумму.

Е. Ф.: Получается, что преодолеть учение Вам было скучно, но и финансовая специальность стала Вашей большой любовью?

Н. Л.-Р.: Да, я был влюблён в эту специальность! Мне было интересно встречаться с большими личностями. Когда вы одалживаете деньги государству, вы ex officio, по необходимости, встречаетесь с высшим руководством стран, деятельными и интересными людьми. Например, на мой взгляд, выдающимся человеком был Владимир Алхимов, глава Центробанка СССР.

Е. Ф.: Когда Вы проходили ступени банковского служащего, как к Вам относились окружающие?

Н. Л.-Р.: В Америке очень хорошо. В Нью-Йорке не было никакой дискриминации. В этом привлекательность Америки. Частично этому я должен системе взаимоотношений с работодателем – так проявляется капиталистическая закваска. Работодатель интересуется тем, что из вас можно «высосать».

счастлив, когда сдал экзамены в Оксфорде. Я помню, как отправил дедушке Василию Васильевичу Вырубову телеграмму на латыни, начиналась она так: «Carus avus! Successus! – Дорогой дед! Успех!» Ламперты в своём доме сдавали комнаты студентам. Среди них был Миша Кульман, сын Марии Кульман, основательницы Пушкинского дома в Лондоне. Я к поступлению в Оксфорд так хорошо изучил латынь, которую в Софии мне никогда не преподавали, что утром за завтраком мы с Мишей Кульманом, который тоже жил у Лампертов, разговаривали по-латыни! Так что я, к счастью, здорово преуспел, читая и Цицерона, и Цезаря. Помню и сейчас, как начинаются «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря: «Gallia est omnis divisa in partes tres»...

Е. Ф.: Последний раз когда Вы были счастливы?

Н. Л.-Р.: О-о-о, сейчас я постоянно счастлив в браке с Джун. Постоянно. Ежедневно. И я это говорю ей каждый день.

Е. Ф.: А она Вам?

Н. Л.-Р.: Она мне говорит, скажем, один из пяти раз, когда я говорю ей об этом.

Ему безразлично, кто вы, что вы и откуда вы? – Вопрос в том, можете ли вы помочь ему заработать деньги или нет? – этот подход мне очень помог, как и многим другим эмигрантам.

Е. Ф.: *А дружбы в финансовой сфере завязывались?*

Н. Л.-Р.: Да, конечно, и остались прочными и навсегда – и с моим начальством, и с коллегами.

Е. Ф.: *Вы так успешно и быстро росли по карьерной лестнице, зависть и неприязнь Вас не сопровождали?*

Н. Л.-Р.: Постоянно. Почему? Я как раз обсуждал это вчера в самолёте. Рядом со мной сидела девушка, которая учится психологии. Я спросил её, какие книги она читала. Она ответила, Дейла Карнеги. Я ответил, что Карнеги – один из двух авторов, которые оставили самое сильное впечатление в моей жизни. И вот Карнеги утверждал: если вы делаете на 10–15% больше, чем остальные, то вы неизбежно продвигаетесь. Благодаря тому что я был чемпионом Болгарии по плаванию, у меня была масса энергии и крепкое здоровье, я вкалывал гораздо больше, чем мои коллеги например. Полёт из Сан-Франциско, скажем, в Тегеран – 18 часов. В те дни летал «Боинг 7–47», где в первом классе наверху есть комната с большим столом. Возвращаясь, я в течение восьми часов писал свои отчёты. Так что, появляясь на службе, я сразу давал их секретарше для перепечатки и тут же включался в текущую работу. Другие коллеги, когда возвращались из загранкомандировки, в течение трёх дней занимались писанием своих отчётов. Ибо в самолёте они ели и пили на халяву и тусовались. Конечно же, мне завидовали! Почему я вдруг приезжаю со всеми готовыми докладами, а они их только начинают?..

Е. Ф.: *Как же это выражалось? Подножки подставляли?*

Н. Л.-Р.: Постоянно. Да.

Е. Ф.: *Как Вы отбивались?*

Н. Л.-Р.: Иногда просто фактами. Иногда удавалось отбиться письменным доказательством. Например, начальник отделения нашего банка в Лондоне Гари Париш пожаловался, что я приехал в Лондон, не уведомив его, что полагалось делать. По протоколу, сотрудник банка, приезжающий в страну, должен уведомить об этом главу банка в данной стране. К счастью, у меня была копия телекса к Паришу, где было указано, что я приезжаю в Лондон и буду там посещать такие-то арабские банки. Я предоставил этот телекс моему начальнику. Увы, моему оппоненту ничего не грозило – он был женат на дочери главного акционера банка. Иногда удавалось отбиться... Но часто мне приходилось и получать нагоняи. Подобное бывало и в компании Де Бирс. Георгий Васильчиков соврал однажды, указав, что я не согласовал очередную командировку в Гохран. Опять выручила меня копия телекса. Однако и Георгий Илларионович не пострадал, будучи любимцем Ники Оппенгеймера, наследника алмазной монополии.

Е. Ф.: *Личности уровня сэра Исаяи Берлина, которые бы на Вас интеллектуально влияли, существовали в финансовой сфере?*

Н. Л.-Р.: Да. Очень ярким примером был председатель совета директоров банка Эрнст Абракл. Однажды мы поехали с ним в Анкару. И он попросил сходить с ним на рынок. Я удивился. Он внимательно изучал цены на продукты. Я задал вопрос: «Что вас интригует?» Абракл ответил: «Я сомневаюсь в статистике, опубликованной в печати. Мне важно видеть, что платит народ за продукты и привести это в соответствие с его зарплатой». Меня этот пример навёл на рациональный подход – сомневаться в финансовой пропаганде, а углубляться опытным путём в суть вопроса.

Е. Ф.: *А чему особенно Вы научились у финансистов, быть может, не прямо в банковском деле, а в других сторонах жизни?*

Н. Л.-Р.: Например, тому, что стоит менять профессию каждые 10 лет. Этот же человек Эрнст Абракл был ранее президентом университета Стаффорда, а ещё ранее – президентом рекламной компании. Его принцип был в том, что человек после 7–10 лет пребывания на том же месте перестаёт быть новатором, а становится менеджером повседневных дел, перестав быть локомотивом нового в своём деле. И потому нужно регулярно менять профессии, потому что каждая понуждает вносить в вашу деятельность нечто новое. И мне удавалось – по разным обстоятельствам, так складывалось – менять профессию примерно раз в семь лет.

Е. Ф.: *Ну и сейчас у Вас возникла новая специальность – Вы создаёте книги, посвящённые своей жизни и судьбам Ваших предков, в которых есть исторический, документальный и искусствоведческий аспекты, и как видно, успешно продвигаетесь в этой деятельности.*

Н. Л.-Р.: Не специальность. Сейчас просто занятие.

СОБРАНИЕ

Е. Ф.: *Какие художественные находки Серебряного века были самыми радостными, самыми неожиданными и самыми запоминающимися?*

Н. Л.-Р.: Я прихожу к антиквару Роботу Каши на 74-й улице Ист в Манхеттене. Графика лежала у него в ящиках. И вот он вынимает из ящика лист декорации Ларионова к балету «Шут». – Это я понял мгновенно, в полсекунды. Я не поверил своим глазам. Это величайшая вещь! Я был в обмороке, я был в восторге оттого, что смог купить за доступную мне цену редкую, красивую работу Ларионова.

Е. Ф.: *Как Вам удалось сразу угадать произведение?*

Н. Л.-Р.: Я знал Ларионова, знал его живопись, часто бывал у него дома. Мне не удавалось у вдовы покупать значительные вещи из-за высоких цен. А тут – одна из ключевых работ Ларионова, да и мне по карману!

Ещё я хотел иметь как можно больше работ Александра Бенуа к «Петрушке» и «Павильону Армиды». И когда его сын, художник Николай Бенуа, сказал мне, что у него есть папка с эскизами всех персонажей к «Петрушке» и он согласен мне их продать, это было моментом величайшей важности для меня. И то же произошло с эскизами к «Павильону Армиды». Сам Александр Николаевич подготовил эскизы для всех персонажей для подарка Валечке Нувелю, композитору и деятелю «Мира искусства», но не успел это сделать. Дочь Александра Николаевича, Анна Черкесова-Бенуа, показала мне это собрание и согласилась продать мне все эскизы.

Ну и, конечно, шок, который у меня был, когда мы с Ниной в Афинах зашли в кафе «Петроград», где стены были увешаны работами Павла Челищева! И нам их позже продал Ники Яковлев, хозяин заведения!

Е. Ф.: *К шокам и восторгам приобретателя относится Зинаида Серебрякова и её творчество?*

Н. Л.-Р.: Нет. Это не было шоком неожиданной находки. Я часто бывал в доме Екатерины, дочери Серебряковой, сознательно стремился купить её работы.

Е. Ф.: *Вы собирали всех театральных художников Серебряного века, чтобы собрать систематическую коллекцию. А кто Вам не нравился, кого Вы недолюбливали из Вашего собрания?*

Н. Л.-Р.: Да, вот, Эрте – псевдоним Петра Тыртова, у меня есть одна его работа, для систематичности, а остальные я отдал в Метрополитен-музей. Мне мешала его явно «нетрадиционная ориентация». А вот у Николая Калмакова, скопца и странного человека, чудные и глубокие работы. Причём чудачество простиралось так далеко, что он не подписывал свои работы, а вместо подписи рисовал стилизованный член...

Е. Ф.: *Вы с Ниной заранее намечали концепцию собрания или, наоборот, Вы собирали-собирали, а концепция сама стала вырисовываться, исходя из материала?*

Н. Л.-Р.: Концептуально мы собирали следующим образом: Нина всегда стремилась иметь полный подбор к данному балету. А я всегда стремился, из-за того что у нас было ограниченное количество денег, найти по 2–3 работы от наибольшего количества художников.

Е. Ф.: *И только в этом было Ваше расхождение в коллекционировании?*

Н. Л.-Р.: Расхождений не было. Были разные подходы.

Е. Ф.: *Когда впервые у Вас возникла мысль – дарить России, у Вас одного или у вас обоих?*

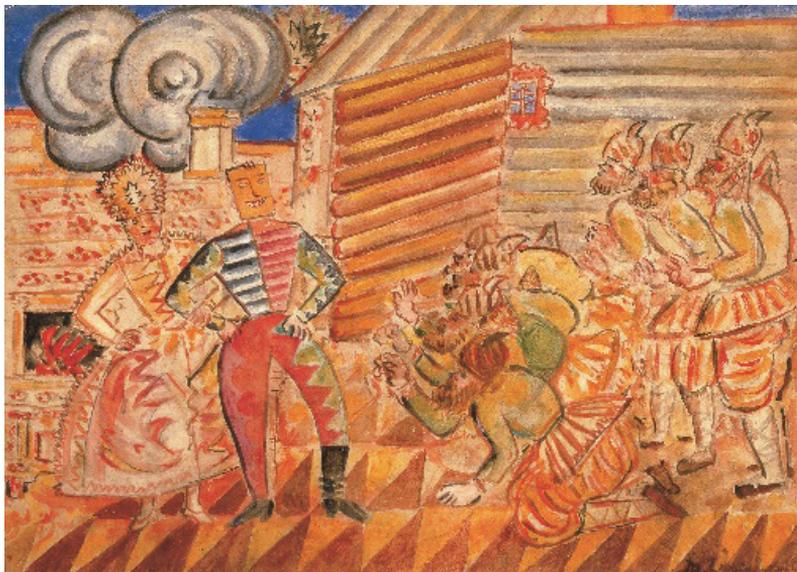
Н. Л.-Р.: Конкретно в 1970 году, когда я купил у вдовы Судейкина его архив. И так как я был в переписке с Ниной Коган, которая в Москве писала о Судейкине книгу, я понял, что этот художник важен для России и никак не важен для Нью-Йорка, каким бы ни был он удачливым художником в Америке.

Е. Ф.: *И с тех пор дарение России тоже сделалось Вашей очередной «профессией»?*

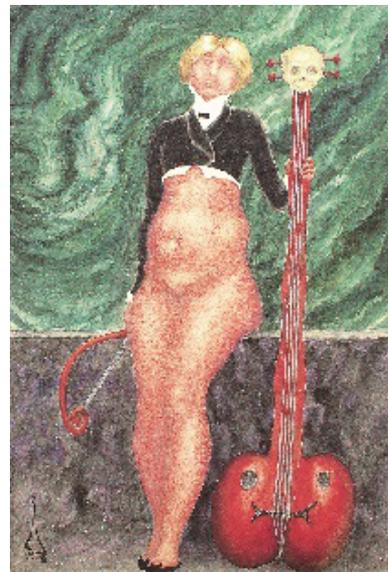
Н. Л.-Р.: Да.

Е. Ф.: *Что, Вы считаете, эмигрантам следует дарить России, если они расположены ей дарить утраченные раритеты?*

Н. Л.-Р.: С моей точки зрения, каждой стране необходимо иметь материальные и художественные доказательства о своём прошлом, потому что их наличие утверждает нацию как таковую. Огромное количество письменных доказательств русского прошлого оказалось вне России. На одном из Всемирных конгрессов соотечественников был доклад одной из организаций, ассоциированных с МИДом, которая имеет финансирование на приобретение свидетельств русского прошлого. Я подошёл к автору доклада и сказал: «Коль у вас есть средства, закажите и купите программу в интернете, которая вам

*Декорация к балету «Шут».
М. Ларионов. 1921 г.*

*Эскиз костюма виолончелиста.
Н. Калмаков. 1908 г.*

будет указывать, например, где продаются архив Корнилова или живопись Серова. Сводки будут поступать ежедневно. Выбирайте то, что вам интересно и покупайте для российских архивов. Вот мое конкретное предложение».

Е. Ф.: *Вы всегда настаиваете на рациональности Ваших поступков, но, на мой взгляд, она вовсе не исчерпывает высоких порывов Вашей личности, потому что Ваши инициативы – проект памятника героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе, памятника Народного единства в Севастополе, где белый и красный стоят рядом, каждый в своей правоте и скорби, – это же символы, нечто иррациональное, выраженное в монументальном искусстве. Вы считаете, что, когда появляются такие символы, что-то сдвигается в сознании людей, в обществе?*

Н. Л.-Р.: Несомненно. Это именно реально, рационально и весьма осязаемо. На Поклонной горе – огромный монумент, который виден каждому прохожему и проезжающему, нельзя его не заметить. Он меняет панораму. И там постоянно происходят церемонии, связанные с военными датами.

Е. Ф.: *Значит, это вновь Ваш рационалистический взгляд на влияние искусства на людей, не идеалистический? Вот многим до сих пор кажется, что если вынесут останки Ленина из Мавзолея, то в обществе что-то глобально переменится, и это, конечно, было бы символическим действием...*

Н. Л.-Р.: У меня всё-таки рациональный подход преобладает. Человек видит некое художественное воплощение события и поневоле начинает о нём узнавать и думать. До появления монумента героям Первой мировой войны в России вообще было запрещено разговаривать о её героях и её жертвах. А теперь память воплощена в явье.

Е. Ф.: *Вот памятник Народному единству в Севастополе. Вы же не будете отрицать, что этот «надлом» между белыми и красными существует и по сей день? Символ, воплощённый в камне, может приблизить затягивание разрывов?*

Н. Л.-Р.: Со временем это непримиримое поколение умрёт. И если будущие поколения будут видеть историю, рассказанную в камне, скульптурную группу, которая огромна и видна в Севастополе со многих сторон, следовательно, они будут знать об этом историческом периоде и его последствиях. Важно – знать. Диктатура в России и Германии лишь спорадически проявляется в том, что накладывает некие ограничения на действия человека. В Китае же правительство через интернет и ТВ сознательно промывает мозги всему населению. Это беспрецедентный факт приведет к тому, что будущие поколения будут подсознательно настроены действовать как роботы и как хочет их правительство.

Е. Ф.: *Эра ментального рабства, худшего, чем физическое?*

Н. Л.-Р.: Абсолютно. Китай до этого дошёл.

Е. Ф.: *Ваша следующая книга из серии «Рюрикович» будет называться «Житьё-бытьё многогрешного раба Божьего Никиты». Ждём новых открытий в ней и новых Ваших, всегда неожиданных и острых мыслей.*